

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

ПАРТИЗАН ЛЕЙБУ

Перед Вами — удивительная история жизни реального человека, пережившего Вторую мировую войну.

Тобиас Лейбу — еврей, родившийся в Румынии, с детства мечтавший перебраться в страну социалистических идеалов — Советский Союз. И ему это удалось. Только не очень вовремя. Ведь что такое быть евреем в первые дни войны, знают только жившие в то время евреи...

Перебравшись в СССР, Тобиас воюет против фашистов, с позорной «звездой Давида» на груди кочует из одного концлагеря в другой, после чего попадает в партизанское братство.

Василий Гурковский ПАРТИЗАН ЛЕЙБУ

ВМЕСТО ПРОЛОГА (ОТ АВТОРА)

Василий Андреевич Гурковский

Уважаемые читатели! Предлагаю всем, возможно далеко не актуальную сегодня, документально подтвержденную и в то же время свободно изложенную тему второй мировой войны 1941–1945 годов, пропущенную через судьбу всего лишь одного конкретного человека. Может быть и не надо было сегодня ворошить неприятное прошлое, беречь за много лет зарубцевавшиеся раны тех, чья судьба так или иначе исковеркана той войной, но я не мог, да и не имел права не довести

эту историю до живущих ныне людей, а вероятно и потомков, которые придут нам на смену.

В судьбе человека, о котором мой рассказ, как в точке пересечения, сошлись серьезные жизненные проблемы, многие из которых продолжают быть еще более актуальными, чем в те далекие военные времена. Нацизм и национализм, необъяснимая жестокость и пренебрежение к людям, героизм и предательство, порядочная семейственность и верность долгу, забота и помощь, страдания и гражданский порыв, честность и гордость за свой народ, государственность и стабильность убеждений, этика бытия — это не просто лозунговый набор высоких и низких понятий, это как раз то, с чем вы, уважаемые читатели, познакомитесь в этой книге.

Героем повести является обыкновенный простой человек, реально проживавший более сорока лет из своих восьмидесяти двух в нашем городе Тирасполе вместе с женой, детьми и внуками.

Около двадцати лет мне довелось общаться с этим обычным-необычным человеком по совместной работе и вне ее. Потому то, что изложено в книге, абсолютно достоверно даже по той простой причине, что сотни людей, знавших моего героя, живут и здравствуют в настоящее время.

Разговор пойдет о Тобиасе Лейбу — скромном, без особых внешних отличий и примет человеке. Наверняка частицы чистых от природы душ, подобных его душе, поднимаясь на небо над нами, делают его таким удивительно светлым и красивым.

На примере его природа еще раз показала, что человек рождается на свет Человеком, а уже потом становится русским, евреем, молдаванином и так далее, в зависимости от условий и обстоятельств его воспитания. А жизнь, опять же на примере его, показала, что не только судьба играет человеком, но и часто человек играет судьбой, сознательно или бессознательно выбирая стратегическую линию своей жизни.

Да, он был евреем... Из приличной семьи с глубокими жизненными корнями. Родился и вырос в Румынии. Да, он был необычным евреем, имел русые волосы, голубые глаза и в силу объективных причин не знал еврейского языка. Да, при двух старших братьях, убежденных сионистах, он с юных лет стал румынским комсомольцем, горел желанием перебраться в страну социалистических идеалов — Советский Союз, и ему это удалось. Он действительно пересек границу СССР с поддельными документами, правда в самый неподходящий для переселения момент как для

него лично, так и для всей его нации, именно тогда, когда гитлеровцы вероломно напали на СССР.

До самого конца своей жизни Тобиас Лейбу всегда поступал так, как подсказывала ему совесть, причем всегда оставаясь при этом достойным представителем своей нации. Поразительно, но ему никто и никогда не верил, что он еврей — ни немцы, ни румыны, да и русские тоже. А он, молодой парень, с первых дней пребывания в новой для себя стране, не зная языка, обычаев и нравов, сразу попав в горнило ужасной войны, называл себя евреем, хотя мог бы, подстраиваясь под обстоятельства, называться румыном, французом или даже немцем, языками которых он владел в совершенстве. Что такое быть евреем в первые дни войны, знают только жившие в то время евреи!

Образно говоря, Тобиас, перебравшись в СССР, не имея за собой никого и ничего, после нападения Германии на Союз, почти год воевал с фашистами в одиночку. С позорной «звездой Давида» на груди, он кочевал из одного концлагеря в другой, был неисправимым беглецом, за что подвергался многократным побоям и издевательствам. И только попав в партизанское братство, почувствовав за спиной великую, ставшую до конца жизни его второй родиной страну, доброту и отзывчивость окружающих его

людей разных национальностей, он по-настоящему раскрылся и как человек, и как воин-работяга.

С тяжелейшими ранениями в голову он после окончания партизанской эпопеи не искал себе места потеплее, хотя и имел на это право, а всеми правдами и неправдами опять прорвался на фронт и закончил войну в Берлине. Он и после Победы, работая почти до семидесятипятилетнего возраста, оставался все тем же партизаном, воюющим за порядок и за порядочность в отношениях между людьми. Такие люди иногда кажутся даже странными, а в настоящее время для отдельных личностей и опасными, так как они ничего и никому не должны, ни с каким злом не связаны, а значит, никого не боятся. А он был таким, таким и остался в памяти всех, кто его знал.

В последние десятилетия все чаще поднимаются вопросы национальных, религиозных и связанных с ними отношений. Лично я — гражданин России, русский с украинскими корнями (а таких в России не меньше половины по той простой причине, что расселение Руси шло не с севера и востока к Киеву, а наоборот) с высоты возраста могу с уверенностью сказать, что на всей огромной территории бывшей России, затем Советского Союза, да и в настоящее время, вопросы национальной принадлежности людей на основном, первично-бытовом уровне по большому счету

практически не возникали. Чаще всего они провоцировались и подогревались людьми заинтересованными, то есть теми, кто свою некомпетентность, никчемность или ничтожность прикрывали якобы национальным притеснением. Особенно ярко это проявилось в предразвалный период Советского Союза и в первые постсоветские годы, хотя в отдельных суверенных теперь государствах это практикуется и в настоящее время.

Причем, чем беднее страна, тем легче всколыхнуть народ национализмом, отвлечь его от насущных проблем и сформировать образ врага. Способ проверенный. Упор обычно делается на молодежь. Гораздо легче побрить затылок, надеть кованные ботинки, ходить и безнаказанно орать: «Россия для русских», «Молдавия для румын», «Украина для украинцев», чем работать на заводе, в поле или учиться. Когда-нибудь выяснится, что их действия финансируются кем-то из-за рубежа, то есть теми силами, которых заботит далеко не чистота расы, а дестабилизация обстановки в той или иной стране и решение своих личных проблем.

Этой повестью я еще раз хочу всем нам напомнить, что мы все равны перед Богом и Законом, все без исключения. Хотим мы того или нет, нам придется жить вместе, независимо от национальности, и всем работать на благополучие

своей страны, внося свою лепту, каждый по возможностям и по способностям.

Более чем стыдно слышать от некоторые сограждан-славян заявления типа: «В России ни одного русского министра» или «на телевидении (радио), ведущей прессе все люди одной национальности» и т. п. Стыдно потому, что на одного еврея в той же России приходится человек сто пятьдесят русских. Кто же нам мешал все эти годы демократическим путем попасть во властные структуры? Или мы сперва за стакан вина или рюмку водки, кулек макарон или плохонькое радио в подарок голосуем за кого угодно, а потом кричим, что все посты в государстве остались без русских...

Стыдно, господа-товарищи, и давно пришла пора отбросить все нам мешающее, тем более выяснения, кто более матери — истории ценен. Все мы — дети России и все ей ценны.

Мы обречены жить вместе. И русские, и евреи, украинцы и татары, аварцы и чукчи, и все полторы сотни национальностей, проживающих в России, объединенные одной российской идеей. Другого пути у нас нет и теперь уже не будет. А в качестве положительного жизненного примера предлагаю повесть о настоящем Человеке.

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ,

член Международного сообщества писательских Союзов.

ГЛАВА 1

ТРИНАДЦАТЫЙ

«Тринадцатый, тринадцатый, где тринадцатый?!», — кричал старший конвоир, молодой немецкий унтер-офицер, бегая вокруг строя и в который раз пересчитывая вверенных ему арестантов. Двенадцать были в наличии, одного не было. Весь день группа работала на территории бывшего лесопильного завода, подбирая пригодные пиломатериалы для обустройства расположенного неподалеку концентрационного лагеря для лиц еврейской национальности, военнопленных и партизан.

Весь день все тринадцать арестантов находились на глазах охранников, но вечером при построении для возвращения в лагерь одного не оказалось.

На крики старшего команды никто не откликнулся. Тогда он положил группу на землю, оставил над лежащими двух солдат-охранников и в сопровождении местного старосты отправился на поиски беглеца. Немец понимал, что через час-полтора стемнеет и поиски будут бесполезными.

Беглец находился рядом. Он спрятался в большом деревянном, почти разрушенном заводском туалете. Песчаные стены ямы давно

осыпались, сама она была беспорядочно завалена старыми досками. Наполовину зарывшись в песок, прикрываясь обломками досок, беглец надеялся дождаться темноты, а там видно будет. Он слышал, как бесновался старший охранник, как звали его товарищи по лагерю, которым грозило наказание за его побег, но молчал.

Тело его непроизвольно вдавливалось в песок, пытаясь раствориться в нем, стать невидимым хотя бы на время. Он знал, что его ждет, если будет обнаружен, и все-таки на что-то надеялся.

Не вышло. Его нашел сын старосты, настырный такой, небольшой парнишка, весь день крутившийся возле арестантов, все выслушивая и вынюхивая. Он пролез в небольшую дыру, куда взрослому не пролезть, увидел беглеца и закричал: «Пан, а вось ён, вось ён, в нужнику ховаеця».

Подбежал староста, за ним старший охранник. С криком: «Фарфлюхте швайне», он сорвал с плеча винтовку и начал стрелять в яму. Крики и выстрелы продолжались до тех пор, пока в обойме не закончились патроны. Отдав винтовку старосте, унтер-офицер пошел искать чем вытащить беглеца из ямы. Действовал он больше на устрашение публики, так как, стреляя почти в упор, ни разу не попал в беглеца. Не попал не из жалости или по каким-либо другим гуманным соображениям, просто тащить мертвого или раненного его

несколько километров до лагеря ночью было нежелательным.

Он подбежал к перекошенному пожарному щиту, на котором ничего не было, кроме ржавого пожарного багра, схватил его и начал тыкать им в яму. Багор сразу зацепился, как выяснилось позже, за воротник домотканной куртки, так что немец с помощью старосты довольно быстро и без особых травм вытащил беглеца наружу.

Затем приволокли его к поднятому строю арестантов и били. Сперва ногами и прикладами, потом старший охраны взял винтовочный шомпол и долго колотил им по голове и спине.

В связи с наступающей темнотой экзекуцию пришлось приостановить. Беглеца поставили в строй замыкающим, сзади него шел сам старший охранник и по поводу и без повода подталкивал его прикладом. Пока пришли — стемнело.

Лагерь размещался на небольшом возвышении, недалеко от моста через реку Припять. Вокруг — пойма реки, болотистое место. Два сколоченных наспех барака, бывшие летние войсковые казармы, да невдалеке два деревянных дома для комендатуры и подсобных помещений (кухня, лазарет и т. п.). В середине, как обычно, плац для построения. В его центре несколько корявых низкорослых деревьев — одно было приспособлено под виселицу, а другие, очищенные

от коры, служили местом наказания для нарушителей лагерных порядков.

К приходу группы из лесопильного завода арестанты были построены в две шеренги. Три больших костра, два по краям строя и один в центре, освещали территорию. Перед строем стоял комендант лагеря со своей свитой. Позади них, к двум очищенным от коры деревьям, были привязаны лицом к стволу двое полуживых арестантов. Они пытались бежать вчера, дошли до первой деревни, но уже утром были доставлены на повозке местным старостой обратно в лагерь.

Их раздели, привязали к деревьям, весь день с перерывами били и оставили привязанными до вечера, когда вернутся с работ все арестанты.

Задержав ужин, комендант заявил перед строем, что те двое, которые привязаны к деревьям за его спиной, на рассвете будут расстреляны. Они третий раз пытались бежать и заслужили свою участь. И что он бы с удовольствием перестрелял их всех, но слишком много надо выполнить работ для армии, потому он заставит всех работать. За любой следующий побег — расстрел. После этого раздали свекольную похлебку и объявили отбой.

Старший группы, прибывшей с лесопильного завода, скорее всего доложил коменданту об инциденте с попыткой бегства, но или она была представлена как примитивная, или старший

посчитал, что учиненная им экзекуция подействовала. Как бы то ни было, но в этот вечер никаких действий в отношении неудавшегося беглеца не последовало. Арестованных отправили в бараки.

К полуночи пошел сильный дождь. Тобиас прислушивался к его стуку по деревянной скатной крыше и вспоминал прошедший день. Сколько таких дней прошло через его жизнь с начала войны? И всегда его за что-то били, били и били. Он толком не знал, за что. Вот и сегодня тоже. И все же надо попытаться заснуть, а что будет завтра, кроме Бога никто не знал. Что-то будет и вряд ли оно будет хорошим.

Побитое тело гудело. Казалось по нему прошелся какой-то каток. Болело все. Когда его вытащили из ямы на лесозаводе и били ногами, он извивался, прятал голову, как мог смягчал удары, но от шомпола унтер-офицера защиты не было. «Почему он не застрелил меня в туалетной яме? — недоумевал Тобиас. — Что ждет меня завтра?»

Раздумья метались в побитой голове, но потом все вытеснила вдруг откуда-то появившаяся всепоглощающая мысль: «Почему я здесь? Что от меня хотят эти немцы, румыны, полицаи? Что я им должен? И кто я вообще такой и что делаю в этой стране? Как я попал в такую жизнь? Что я такого сделал?»

Он родился в Румынии, в приличной еврейской семье знатного старинного рода. Предки Тобиаса носили фамилию Лейбу и довольно серьезно означили свое пребывание в этой стране. За определенные большие заслуги перед королевством, и до, и после образования румынского государства в середине девятнадцатого века, все члены семейства Лейбу специальной грамотой были «романизированы», то есть уравниены в правах с румынами. В отличие от многих других румынских евреев, практически политически бесправных, Лейбу и их потомки имели право на владение землей, обучение в гимназиях, лицеях, университетах, на службу в армии, работу в государственных учреждениях, естественно, на занятие предпринимательской деятельностью. И что особенно важно, имели право быть похороненными на румынских кладбищах.

Предки Тобиаса Лейбу имели основные корни в селе Подурь Мойнештской волости уезда Бакэу. Их поместья кучковались в центре Подурь, где жили наиболее уважаемые селяне, включая представителей власти, духовенства и им подобных.

Менялись поколения, менялись времена и условия, корень Лейбу пускал семейные отростки, но во все времена, за предвоенные более чем сто лет, представители этой фамилии занимали свое

достойное место и не только в уезде Бакэу. Они строили школы и синагоги, занимали высокие государственные посты. После крестьянских волнений 1907 года, затем после первой мировой войны и, особенно, с приходом к власти фашистов в Германии, постепенно усложнились условия жизни еврейских общин и в Румынии. Наиболее влиятельные представители семейства Лейбу, используя свои связи в иностранные посольствах, особенно в английском, начали перебираться в Палестину. Часть уехала еще до первой мировой войны, часть в двадцатые-тридцатые годы.

Семья Тобиаса до войны (второй мировой) никуда не трогалась, жила своей жизнью, занимала достойное положение, хотя и не была особенно богатой.

Отец — Леон, был представителем третьего поколения, того прославленного романизированного корня Лейбу. Он много лет работал лесничим в имении своего дяди — Абрама Лейбу, был достаточно образованным человеком, умелым организатором, строгим, но справедливым как к окружающим, так и к членам своей семьи.

Семья была большая — жена и шестеро детей. Дети боготворили мать, считая ее святой.

На снимке: Семья Лейбу. 1934 год (год смерти матери). Стоят (слева направо): Дори, Яков, Исаак, Роза. Сидят (слева направо): Марчел, отец, Тобиас.

Она отдавала себя семье целиком, рано заболела и ушла из жизни, когда Тобиасу было двенадцать лет. Он был последним, шестым ребенком в семье и уход матери больше всего отразился на нем, как младшем.

Возрастной разброс между детьми в семье был достаточно велик. Так, старший брат, Яков (Янку) был старше Тобиаса на шестнадцать лет. Он окончил еврейско-румынскую школу, гимназию, лицей в Бакэу и университет в Бухаресте. Стал известным адвокатом, затем много лет состоял

членом королевского трибунала. Был активным общественным деятелем, главным редактором ведущих сионистских газет и журналов и, несмотря на активизацию фашизма в Румынии, сумел удержаться в Бухаресте. Он был убежденным сионистом, но всегда поддерживал связь со своей семьей и старался помогать родственникам в различных делах, особенно в вопросах выезда за рубеж.

Второй брат — Исаак, окончил городскую школу в Мойнештах, несколько классов гимназии. Учиться в те времена в гимназии или лицее стоило довольно дорого, но учеба давала возможность сокращения срока службы в армии. Как ни старались отец и старший брат, Исаака все-таки мобилизовали. Как он позже рассказывал, призвали его в артиллерийские войска, часть находилась в городе Галац и после первых дней знакомства с армейской жизнью он чуть не бросился в Дунай. Служить в румынской армии тех лет, с палочной дисциплиной, высокомерноснобистскими, в большинстве своем наследными и по этой причине недалекими офицерами, примитивном вооружении и обеспечении, было равносильно каторге. Исаак служил в артиллерии ездовым, тогда орудия (пушки) перевозились на волах, и когда бывал дома в увольнении, рассказывал много веселых, а больше

невеселых историй, пугая младших братьев перспективой армейской службы.

После демобилизации, Исаак одно время работал дантистом, а затем с помощью старшего брата занялся коммерцией и коммивояжерством. Женился, жил в Бухаресте. Политикой особо не интересовался, но тяготел к сионистским убеждениям.

После двух старших братьев родилась сестра Дори. Она окончила начальную школу в родном селе, несколько классов лицея и осталась дома. Раньше девочек далеко от дома не отпускали. Она была главной помощницей мамы. В 1937 году вышла замуж и уехала в Палестину.

После Дори была сестра Роза. Она тоже закончила начальную румынскую школу и находилась дома, помогая по хозяйству.

На два года старше Тобиаса был брат Марчел. Он окончил в городе еврейско-румынскую школу, затем в Бакэу — торговый лицей и вместе с Исааком занимался коммивояжерством.

Марчел, в отличие от старших братьев, симпатизировал коммунистам и к середине 1940 года нелегально перебрался в СССР. По слухам, он обосновался в г. Черновцы еще до присоединения Западной Буковины к СССР. Больше года вестей от него не было.

В 1922 году, в год рождения Тобиаса, отец построил в Подурь, в самом центре села, рядом с домом румынского священника, большой сорокапятиметровый дом. Высокий, красивый, удобный, окольцованный по всему периметру широким балконом, дом был построен под семью. В нем были и большая прихожая, куда выходили детские комнаты, кухня, комната родителей и «одая куратэ» (чистая комната) или подобие большого зала.

Семья Лейбу жила, дружно, при достатке. Держали землю, имели скот, лошадей верховых и ездовых. Никто в семье не пил и не курил. Строго соблюдали все еврейские обычаи. Синагоги в их селе не было, зато за несколько километров в г. Мойнешты их было три и все построены в разные времена предками Лейбу.

В одну из синагог, самую большую, каждую неделю и по праздникам ездила семья Тобиаса. После молитв гостили у родственников отца. Пищу, как правило, готовили дома и брали с собой. На еврейскую Пасху снимали с чердака специальную кошерную посуду и готовили все, что было положено к такому празднику.

Когда построили новый дом, то часто свадьбы родственников из Мойнешт проводились в селе. Так было выгодней по обеспечению, и места больше, чем в городских домах и квартирах.

Да и само прикарпатское село Подурь с примыкающими к нему вплотную селами Валя Шоший и Прохорешть было прекрасным местом не только для жизни и работы, но и отдыха. В селе и его окрестностях располагалось несколько поместий рода Лейбу. По мере возникновения революционных настроений и волнений окружающего их крестьянства, а затем постепенного выезда наиболее богатых еврейских семей в Палестину, такие имения, особенно вне сел, постепенно разрушались и растаскивались, но село Подурь оставалось красивым и привлекательным.

Семья Лейбу хорошо ладила с соседями. Основная масса их была румынами, рядом жил просвещенный настоятель главной церкви села с огромной семьей из 14 детей. У него в семье культивировались два языка — румынский и французский. Напротив дома Лейбу жила, тоже многодетная немецкая семья, поэтому Тобиас, с малых лет общаясь с соседскими детьми, свободно говорил и по-французски, и по-немецки. Тем более, что позже учил французский уже в школе и гимназии.

У шестого ребенка семьи Леона Лейбу, Тобиаса, было два парадокса, которые сыграют свою определенную, скорее всего негативную роль в его дальнейшей жизни. Первый — он был русоволосым с голубыми глазами, второй — он не

знал еврейского языка, как не знали его и две сестры. В этом плане они были как внутрисемейными, так и просто «гоями».

Дело в том, что в романизированных еврейских семьях, как правило, в силу различных причин говорили по-румынски. Отец с матерью иногда общались между собой на идиш, но с детьми специально говорили по-румынски. Старшие три брата, которые учились в еврейско-румынских школах и гимназиях, знали еврейский, а две сестры и младший Тобиас в еврейской школе не учились.

Его с шести лет отдали в начальную румынскую школу в своем селе. Проучившись в ней четыре года, он год находился дома, пока, в Мойнештах не открылась частная, опять же румынская гимназия. Отец выделил одиннадцатилетнему Тобиасу ездовую лошадь под седлом, и на ней он ездил в Мойнешты, в гимназию.

В гору и на ровном месте чувствовал себя в седле уверенно, а под гору часто падал. Дома он садился в седло с балкона, в городе на время занятий, оставлял лошадь у родственников, затем искал какое-либо возвышенное место, чтобы влезть на коня. Часто еврейские мальчишки Мойнешт дразнили и перекривляли маленького ездока, пугали лошадь. В ответ Тобиас гонялся верхом за ними и хлестал нагайкой. Малышня жаловалась на

него родителям, но те знали чей он сын и оставляли жалобы без внимания.

Три года он отучился в гимназии. Когда ее закрыли, ходил в школу, затем поступил в Бакэу в лицей имени принца Фердинанда. Но на подходе был сороковой год. Евреев и гласно и негласно стали притеснять и в Румынии. И не только простых евреев, которые и раньше особых прав не имели, но и лояльных, «романизированных». Пришлось перейти на заочное отделение, нанять репетитора. В качестве репетитора попался довольно способный юноша-еврей, он занимался с Тобиасом по всем предметам программы лицея, в т. ч. по политэкономии. В Румынии тех лет шла чехарда с королями. В то же время набирали силу молодежные и взрослые организации фашистского толка и, как это ни было странным — марксистско-коммунистическое движение. Нанятый Тобиасу репетитор оказался членом союза коммунистической молодежи Румынии, был довольно грамотным и убедительным пропагандистом идей марксизма. Он за короткий срок втянул в комсомольскую организацию молодого ученика. Тобиас активно включился, как он считал, в революционную борьбу угнетенных людей, участвовал в различных молодежных мероприятиях и довольно серьезно занимался над собой, изучая классиков марксизма. Из прессы он и

его соратники уже знали о еврейских гетто и лагере смерти «Дахау» и об отношении фашистов к евреям вообще.

Еще тогда он решил для себя, что несмотря ни на какие лишения, будет бороться за права простых людей. Мечтал стать настоящим коммунистом и попасть в СССР. Тем более, что летом 1940 года часть территории Румынии — Бессарабия, вошла в состав Советского Союза.

В декабре 1940 года репетитора Тобиаса арестовали прямо в доме, страшно избили при родителях и отвезли в тюрьму.

Угроза ареста нависла над самим Тобиасом и его сподвижниками. Через Тыргу-Окна и Фокшаны он добрался до Бухареста. Но и там, несмотря на возможности старшего брата, ему долго задерживаться было опасно. Брат помог ему найти на окраине Бухареста своего бывшего сокурсника по университету, работавшего частным нотариусом, еврея по национальности, который имел выдающиеся способности подделать любой документ, изготовить любую печать или штамп.

По договоренности между Советским Союзом и Румынией был разрешен переезд граждан обеих стран по месту их рождения.

По просьбе брата ловкий провинциальный нотариус выправил Тобиасу документ, подтверждающий, что он еврей, но родился в

городе Флорешты, в Бессарабии, с августа 1940 года находящемся на территории вновь образованной Молдавской ССР. Документ давал право обратиться в соответствующие миграционные органы Румынии с просьбой разрешить выезд по месту рождения, т. е. в город Флорешты.

Старшие братья помогли с одеждой и продуктами. Переходными пунктами из Румынии в СССР были определены станция Глубокая в Черновицкой области на севере и город-порт Галац на юге, стоящий на румынском берегу Дуная в связке с также портовым городом Рени, стоящем на советском берегу.

После многочисленных унижений и мытарств, избитый и полностью ограбленный румынскими полицейскими Тобиас вместе с довольно большой группой репатриантов или переселенцев попал на баржу для переправы через Дунай на советскую сторону.

Румыны три дня держали людей в открытом трюме баржи. Еды, воды не было, туалетов тоже. С подходивших катеров по баснословным ценам предлагали воду, еду, пиво, вымогая все, что у кого-то осталось ценного. Никакой врачебной помощи. Так в природе не поступали даже звери. В довершение ко всему баржу буксиром вытащили на середину Дуная и еще два часа держали людей под

проливным декабрьским дождем со снегом. Несколько человек от отчаяния пытались прыгать в ледяную воду, но этого не допустили стоявшие рядом люди.

Когда Тобиас спросил командира группы сопровождения, румынского полковника, по какому праву они так издеваются над людьми, тот позеленел от злости, выхватил пистолет, заорал бешеным голосом, но стрелять побоялся, так как недалеко, на советском берегу их уже ждали представители советских пограничных и других органов. Они все видели и слышали.

Когда баржа уже наконец-то была подтянута к пристани, переселенцы с радостью покинули эту временную тюрьму и высыпали на берег. Первое, что увидел Тобиас, был большой металлический щит, на котором красовались портреты высших советских руководителей: Сталин, Молотов и другие известные Тобиасу люди еще со времен занятий в подпольном комсомольском кружке. Катер с румынскими пограничниками и полицейскими стоял метрах в десяти от берега и готовился к отплытию. «Полковник, — крикнул Тобиас, — слушай». Он пропел по-румынски один куплет партийного гимна «Интернационала» и добавил: «Жалко, что ты не остался на этом берегу, уже к вечеру кормил бы раков на дне Дуная. А через год я с Красной Армией буду в Бухаресте».

«Ты, жиденок недобитый, — заорал в ответ полковник, — скажи спасибо своему Богу, что я тебя не утопил за эти дни в реке. И запомни — это я через год приду к вам сюда, возьму тебя в плен, а потом узнаешь, что с тобой и такими как ты мы сделаем!»

К сожалению, он оказался прав. До сорок первого года оставалось совсем немного времени. И каким он будет, мало кто знал.

Вместе с Тобиасом на советскую сторону перешел и его двоюродный брат.

Так осуществилась долгое время вынашиваемая мечта румынского комсомольца Тобиаса Лейбу попасть в страну социализма — Советский Союз, где по его понятиям — все люди равны, независимо от национальности, вероисповедования, образования и цвета кожи.

После регистрации Тобиас с двоюродным братом попросили разрешения выехать в город Бендеры. Там они нашли каких-то знакомых, от которых узнали, что брат Марчел и еще несколько их земляков вроде бы обосновались в г. Черновцы. Пришлось вдвоем двигаться туда.

В конце декабря 1940 года Тобиас прибыл в Черновцы и занялся поисками брата. Дома, в Подурь, у него оставались только отец и младшая из сестер. Конечно, Тобиас переживал за них. Отец после смерти матери как-то сразу постарел, стал

еще более молчаливым и замкнутым, часто молился. Основная тяжесть забот по их немалому хозяйству легла на плечи сестры.

При всем этом они все-таки были на месте, в родном доме. Два сионистски настроенные старших брата оставались в Бухаресте, двух меньших братьев, социалистов Марчела и Тобиаса, ждала встреча в Черновцах.

Черновцы были прекрасным городом бывшей Австро-Венгерской империи, и именно здесь, через несколько дней после приезда, в центральном магазине «Пассаж», с помощью знакомых, он увиделся с Марчелом, и с еще несколькими бывшими подпольщиками.

Встреча была более чем радостной. Повидаться с родными людьми и по крови, и по убеждениям в это жестокое время было поистине счастьем, тем более в социалистической стране. Верный данному себе обету Тобиас начал искать самую тяжелую работу, чтобы приносить больше пользы новому для себя обществу. Уже на второй день он пошел на железнодорожную станцию и устроился на работу грузчиком.

Был он небольшого роста, с маленькими руками, и явно не походил на классического грузчика, но это его не смущало. Там же работал брат. Жили они большой группой в каком-то сарае у двух хозяев-немцев, почему-то не уехавших в

Германию при массовом выезде немцев в 1938-39 годах. Проработав несколько месяцев на железной дороге, к весне устроились на фурнитурную фабрику, уже снимали квартиру в городе.

Шла весна 1941 года. Рядом была граница, там же стояли фашистские войска. Во всем чувствовался запах войны. Стало больше военных в городе, да и все разговоры вращались вокруг военной темы.

Тобиас с радостью и гордостью рассматривал висящие по городу красные флаги, звездочки на фуражках военных и огромную деревянную красную звезду — памятник в центре города. Он продолжал считать все советское святым.

Получил пятилетний паспорт, красный советский, где было указано, что он еврей, родился в г. Флорешты в Бессарабии, живет в городе Черновцы. Другим давали трехмесячные, годовые, трехгодичные, а ему, наверное как самому молодому, да еще комсомольцу, дали пятилетний. Некоторых переселенцев вообще отправляли в Сибирь, видимо было за что, а, может, и не было.

В общем все складывалось вроде бы неплохо, но рано утром 22 июня к ним в комнату вбежал немец, хозяин квартиры с криком: «О майн готт, дойче-русише криг!» (Война!) Немецкие самолеты бомбили город. Фурнитурный завод, где трудились братья, проработал еще с неделю и остановился.

Директор завода, выступая на митинге перед коллективом, заявил, что война скоро закончится и что наши, наверное, уже в Яссах.

Тобиас пошел в военкомат, попросился в армию. Не взяли. Маленький, только 18 лет, а главное — недавно прибыл из вражеской страны, да еще по-русски ни слова не знает. Тогда он сам ушел из города на восток. На мосту через реку Прут группа красноармейцев во главе с офицером (позже Тобиас по шпалам на петлице узнает, что тот был майором) минировала мост и заодно охраняла его.

Офицер остановил Тобиаса, потребовал документы и спросил, куда он идет. Тобиас сказал то слово, которое знал по-русски: «Сибирь».

«В Сибирь тебя если будет надо, то повезут, — сурово сказал майор, — а пока, возвращайся обратно в город. Не имеем мы права пропускать одиноких путешественников в военное время».

Тобиас пошел обратно в город, навстречу шли двое молодых людей. Они рассказали, что к городу с трех сторон подошли немцы, румыны: и венгры. Немцы уже в городе. Евреи бегут, прячутся где кто может. Спросили, почему он не ушел за Прут. Тобиас объяснил. Ребята посоветовали назваться учителем, мол, идешь в ближайшую деревню к детям.

И действительно, когда он заявил на мосту, что он «учитель», майор внимательно посмотрел на него и сказал: «Да ладно, дуй в свою Сибирь».

Отойдя от города километров 40–50, Тобиас вышел на шоссе, идущее к мосту через Днестр. Кого только не было на шоссе!?! Военные, гражданские, старики, дети, машины, орудия, повозки. Он пристроился к одной из военных колонн, познакомился с солдатами, питался с ними, вместе переносил налеты авиации, которые проходили по какой-то системе — самолеты прилетали волнами, сбрасывали бомбы на головы людей, «поливали» колонны из пулеметов. В такие минуты на шоссе было что-то адское. Во все стороны разлетались тела и части тел людей, лошадей, техники. Все гудело, кричало, трещало и горело.

Перед самым мостом через Днестр, Тобиас, лежа в водосточной канаве, насчитал колонну самолетов в 48 штук. Они безнаказанно отбомбились и поворачивали обратно.

В одну из пауз между бомбежками Тобиас вместе с толпами людей перешел Днестр. Никто не знал, куда дальше идти, где фронт и есть ли он вообще. Людские потоки разделялись, одни поворачивали в сторону Могилев-Подольского, другие шли прямо на восток, третьи — на север, кругом царили хаос и неразбериха. Тобиас прошел

небольшой городок неподалеку от Каменец-Подольского, но при облаве был пойман оккупантами и помещен во временный еврейский лагерь. Там, к удивлению и счастью, встретил брата Марчела. Он тоже бежал из Черновцов.

Тобиас несколько раз пытался уйти из лагеря, его ловили и били, били нещадно, чаще всего по голове. Зимой заболел и умер в лагере Марчел, люди там вообще умирали десятками ежедневно.

Тобиаса ничего больше не удерживало в лагере и он снова, в восьмой или девятый раз, бежал.

А так как языка он не знал, не знал людей, не знал местности, то при очередной облаве на рынке Каменец-Подольского был пойман и помещен в еврейский лагерь «Мертвая петля» у села Печора. Хозяйничали там румыны.

По обращению к заключенным они были хуже немцев, но очень «любили» деньги и кто имел возможность, мог откупиться от лагеря. Хотя в принципе это было бесполезно — от одних откупишься сегодня, другие поймают завтра. Идти все равно было некуда.

Из Печоры можно было бежать, но по большому счету это было действительно бесполезно. За время, проведенное в этом лагере, Тобиас понял, что не все румыны-охранники —